

Наталья Литтера

Пять
лепестков
на
счастье

Это был шанс начать жизнь заново...

Чаепитие с книгой

Наталья Литтера

Пять лепестков на счастье

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Литтера Н.

Пять лепестков на счастье / Н. Литтера — «У Никитских ворот»,
2020 — (Чаепитие с книгой)

ISBN 978-5-00170-063-0

Пять дней – это много или мало? Что можно успеть сделать, а от чего – отказаться? У Дмитрия Одинцова, направлявшегося на важную деловую встречу, в дороге ломается машина, и он останавливается переночевать в маленькой провинциальной гостинице. Чем окажется для него пребывание в городе, который готовится к фестивалю? Может, это возможность сделать передышку в бесконечной жизненной гонке, познакомиться с новыми людьми, вернуть любовь? И даже стать участником неожиданного открытия... Кажется, судьба дала второй шанс. Есть целых пять дней, чтобы изменить свою жизнь и начать все сначала. В своем новом романе Наталья Литтера доказывает: сквозь времена и расстояния одно остается неизменным – человек с его страстями и слабостями, живущий в надежде на счастье, стремящийся к нему и в упор его не видящий. Психологизм, необычность композиции, и, наконец, характеры героев, живые и осязаемые, – всё это черты прозы автора.

УДК 82-3

ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00170-063-0

© Литтера Н., 2020

© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Четверг	7
Жена и любовница	17
1	18
2	20
3	21
4	23
5	26
6	27
Пятница	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Литтера

Пять лепестков на счастье

© Литтера Н., текст, 2020

© Литтера Н., иллюстрации, 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2020

* * *

Он любил утро. Любил просыпаться раньше, смотреть, как она спит, и гадать, какие сны видит.

– У счастья пять лепестков, – однажды сказала Саша, стоя около куста цветущей сирени. – Если найдешь цветок с пятью лепестками, надо его съесть, но перед этим загадать желание.

– Сбудется?

– Обязательно!

Она вообще любила сирень, считая, что этот цветок приносит ей удачу, и в свои самые важные дни надевала старую брошь в виде сиреновой веточки как талисман.

– Знаешь, в детстве я пересчитала на ней все лепестки – везде по четыре. Вот неужели нельзя было сделать один с пятью? Я бы обязательно сделала.

Разве можно было устоять перед этой девчонкой? Нет, конечно.

Разве можно было не попытаться ее завоевать? Он даже не раздумывал. Пошел ва-банк.

И сейчас Саша спала на соседней подушке, а утреннее весеннее солнце светило в окно последнего, пятнадцатого этажа, который «у самого неба», и где-то там, внизу, на улице, слышался шум автомобилей. Город проснулся.

Через несколько минут прозвонит будильник, Саша откроет свои сонные глаза, что-то недовольно пробормочет, перевернется на другой бок, но... надо спешить в институт, потом дописывать диплом, а вечером – снова концерт.

– Может, бросить его? Диплом, в смысле, – иногда спрашивала Саша. – Все равно по специальности работать не буду.

– Тебе до окончания учебы остался один месяц и защита. Глупо все бросать, вот получишь корочку...

– Ты прямо как моя мама, – вздыхала она. – Иногда мне кажется, что я учусь для родителей. Деловое администрирование. Подумай только – где я, а где администрирование.

– Чего же ты хочешь?

– Петь. Но... как это часто бывает... сначала получи серьезное образование, а потом делай, что душе угодно.

Сашу он встретил случайно – договорился поужинать после работы с друзьями в кафе, а там по пятницам играли живую музыку.

Она сидела на высоком табурете в длинном вязаном безразмерном джемпере, распущенные волосы наполовину скрывали лицо, тонкие пальцы с серебряными колечками перебирали струны гитары. Когда поднимала глаза, смотрела на зал задумчиво и отрешенно.

Пела... Голос был такой... то глубокий, то звонкий... то река, то птица в вышине. Что-то очень авторское, даже этническое. Напевы перетекали в слова, слова в историю, история завораживала...

Он пропал. Окончательно и бесповоротно. Думал о том, что однажды эта девушка обязательно проснется рядом.

– Я тебя провожу, – сказал он после концерта, дождавшись Сашу у входа.

– Сама дойду, – не очень приветливо ответила она.

– Ты отшиваешь всех подряд?

– А вас таких много. – Ее голос звучал тихо и устало. – Знаю все, что скажешь.

– И что же я скажу?

– Я провожу, – она загнула первый палец, – давай помогу донести гитару, – второй, – у тебя замечательный голос, – третий, – не оставишь ли мне свой телефон, – четвертый, – и могу организовать для тебя концерт в клубе, – пятый.

– Почти угадала. Я провожу, – он загнул первый палец, – давай помогу донести гитару, – второй, – у тебя замечательный голос, – третий, – не оставишь ли мне свой телефон, – четвертый, – и выйдешь за меня замуж?

Четверг

– Димыч, я размещаю объявление! – Голос в трубке почти кричал.

Одинцов подумал, что еще чуть-чуть и он оглохнет.

– Размещай.

– Найти за две недели хорошего администратора практически невозможно, хоть сам становись.

– Ничего, постоим, если надо, тряхнем стариной. – Дмитрий посмотрел на часы.

Половина третьего, а в сервисе никого, кроме девочки у стола с кофемашиной.

Не день, а сплошное невезение. Еще и администратор увольняется. Внезапная любовь, чтоб ее, и как следствие – смена города проживания. Все один к одному.

– Ты до писателя скоро доберешься? – Рома, выпустив пар, наконец понизил голос.

– Без понятия. Я в автосервисе.

– Что случилось?

Рассказывать о том, как при выезде из Москвы не заправился, решив сделать это позже по дороге, не хотелось. В итоге на маленькой заправке в бак залили какую-то гадость, после которой машина заглохла посреди трассы. Пришлось вызывать эвакуатор и тащить ее до ближайшего города.

– Я знаю хороший автосервис, – успокаивал Дмитрия эвакуаторщик, – там ребята настоящие спецы – посмотрят, подлатают.

Но что-то ни посмотреть, ни подлатать они пока не торопились. Машину выгрузили, девушка у кофе-машины объявила про обеденный перерыв и про то, что надо подождать.

– Удачи, – махнул на прощанье рукой эвакуаторщик.

Но удача тоже не торопилась поворачиваться к Дмитрию Одинцову лицом.

В зал вошел парень в черной футболке и с цветными татуировками на руках, девушка что-то ему сказала, парень посмотрел на Диму. Вероятно, это тот самый обещанный спец.

– Все, больше говорить не могу, – ответил Одинцов Роме, – потом перезвоню.

– Ваша машина?

– Моя.

Парень кивнул:

– Сейчас посмотрим.

Девушка проводила татуированного долгим взглядом.

«У этой тоже любовь, – подумал Одинцов, – но город менять не надо».

Мысли вернулись к уволившемуся администратору и сегодняшней неудавшейся поездке. Вот чего он повелся на уговоры Ромки? «Ты всех уломаешь, ты точно привезешь к нам Полянкина. Раз он хочет личной встречи, надо ехать...»

Приехали, называется. Приехали и заглохли посреди трассы. Одинцову эта идея не нравилась с самого начала.

Вениамин Полянкин был топовым сетевым автором, вел свой видеоблог, устраивал прямые трансляции, его печатные книги расходились большими тиражами, встречи с читателями проходили в крупнейших магазинах Москвы и Петербурга. Ни один книжный фестиваль последних двух лет не обходился без Полянкина. И вдруг... никому не известный клуб «Место вашей встречи».

– Мы должны развиваться, – вдохновенно вещал Рома, – мы должны идти вперед, привлекать новых посетителей, нам нужна реклама. А Полянкин – отличная реклама. Ну, кто у нас был до этого? Какие-то учителя на подработках, которые рассказывали про личную жизнь художников и дневники писателей. Это все старо и избито. Если же пригласим звезду интернета, да еще дадим объявление...

Когда Рома начинал рассуждать о светлом будущем и способе его достижения, лучше было не пребывать.

– Ладно, убедил, – согласился в конце концов Одинцов. – Вопрос только в том, найдутся ли у нас средства на тот гонорар, который он запросит.

Но до обсуждения гонорара дело даже не дошло. Открытый, добрый и жизнерадостный на экране, в жизни Полянкин оказался высокомерным и жестким.

«Просто удивительно, – думал Дмитрий после первого общения, – насколько созданный для читателей и зрителей образ не соответствует реальному человеку. А ведь пишет книги о вечных ценностях, любви к семье и близким, душещипательные истории про животных. Какое лицемерие. Или звездная болезнь? Как, однако, вскружил человеку голову успех».

– Полянкина вычеркиваем, – сказал Одинцов, – ищем другую идею.

– Ты что? Первые переговоры прошли отлично, – не согласился Ромка, – он просто набиивает себе цену, звезда же. Ты посмотри, сколько у него подписчиков в интернете. Ведь он нас не послал, просто сразу показал: где он, а где мы. Он же не дурак отказаться заработать дополнительные деньги.

– Он живет черт знает где! Только за приезд в Москву и проживание заломит цену.

– Мы еще ничего про это не знаем. – Рома был непоколебим. – Тем более что, насколько мне известно, в Москве Полянкин бывает часто. Чаше, чем ты думаешь. Просто у него имидж такой – «человек из народа, свой дом, лес-река-печка-банька», вот он его и придерживается.

– Так не проще договориться о встрече, когда эта народная звезда в Москву пожалует?

– Да у него все на полгода вперед расписано. Димыч, ты как не в теме, честное слово.

Димыч вздохнул. Переговоры продолжились, было включение по скайпу, долгое обсуждение, звездный автор стал смягчаться и даже проявлять интерес, но в конце пожелал увидеться с организаторами встречи лично, чтобы обговорить детально мероприятие, время и денежное вознаграждение.

На взгляд Одинцова, это было форменное безобразие, все вопросы легко можно уладить дистанционно, но Полянкин просто упивался своим статусом.

– Вы должны понимать, я очень занятой человек, – разглагольствовал писатель. Его упищенное красноватое лицо едва умещалось в экран. – Я должен точно знать, куда и ради чего еду.

Была бы его воля, послал бы Дмитрий «человека из народа» дрова рубить, но рядом заливался соловьем Рома:

– Конечно-конечно, мы приедем, и вы поймете, что это очень интересный и нестандартный проект, который можно будет хорошо пропиарить, грамотно преподнести...

Одинцов тоскливо разглядывал клавиатуру ноута.

– Я не поеду, – сказал он, когда сеанс связи закончился.

– Ты что?! Полянкин, считай, у нас уже в кармане. Надо ехать.

– Ты его видел? Самодовольная свинья просто. А как общается? Неужели нельзя было назвать цифру? Всего лишь назвать цифру. И в случае, если мы можем ее заплатить, идти дальше, обсуждать конкретные условия. Зачем обязательно встречаться? Это унижение, Рома, тащиться за четыреста километров, чтобы просто удостоиться приема, потешить его самолюбие и уехать обратно. Я себя для этого слишком уважаю.

– Ты можешь уважать себя сколько угодно, но наш клуб касается не только тебя. Это общее дело, а ради общего можно и попытаться.

Вот, попытался.

Девушка наконец сообразила предложить клиенту кофе. Одинцов сел в старое, продавленное кресло и стал ждать, когда парень вернется из цеха. Кофе был отвратительный, как и этот день. Дмитрий цедил его мелкими глотками, ждал, а время шло...

– Ну, что, – сказал появившийся минут через сорок автомеханик, вытирая тряпкой грязные руки, – надо менять фильтры. Там какая-то дрянь попала, все забила, топливо не поступает.

Одинцов посмотрел на часы. Сколько времени это займет? К вечеру он доберется до всем известного Вениамина? Должен успеть, а обратно уже завтра. Хорошо, что поехал не налегке, предполагал заночевать в местной гостинице, поэтому бритва, зубная щетка, паста и смена белья были с собой – в небольшой дорожной сумке вместе с бутылкой воды и зарядкой для телефона.

– Через два дня сможете забрать машину.

– Через два дня?! – Он не удержался от восклицания. – У меня сегодня важная встреча, ее согласовывали полторы недели! Я не могу через два дня, мне нужно ехать сегодня, понимаете? Се-го-д-ня!

– Ничем не могу помочь, – пожал плечами парень. – У нас тут железнодорожный вокзал есть и автостанция. Может, на встречу успеете. А вот фильтров нет. Сегодня закажем, завтра-послезавтра привезут. Мы сразу же поставим и отдадим вам машинку.

– А в других автосервисах фильтры есть?

– Вряд ли. У вас машина дорогая, тут мало кто на таких ездит, а если и ездит, то обслуживается в специализированных центрах. Мы работаем с автомобилями попроще, а если вдруг случается нужда – заказываем.

Он никуда не торопился, этот парень. Ему было абсолютно плевать и на Одинцова, и на срывающуюся встречу с Полянкиным.

– Да вы не беспокойтесь, – решил утешить автомеханик, – езжайте спокойно электричкой. Никуда ваша машина не денется, присмотрим, все сменим и в самом лучшем виде вернем.

– А если завтра фильтр привезут, значит, я завтра смогу уехать?

– Да. – Парень отложил тряпку и повернулся к девушке. – У нас кофе есть?

– Есть, – тут же ответила она.

Одинцов усиленно думал. Искать железнодорожный вокзал ему не хотелось. Гораздо проще перенести встречу, сегодня переночевать в этом городе, завтра...

– Я попрошу вас заказать фильтры сейчас, не откладывая.

– Закажем, не беспокойтесь.

Завтра доехать до Полянкина, решить все вопросы и сразу в Москву.

– У вас в городе есть гостиницы?

– Конечно, – в разговор вступила девушка.

Она уже сделала кофе и протянула бумажный стаканчик автомеханику.

– Целых две. Одна большая, другая маленькая. Могу найти адреса.

– Ищите.

Пока девушка искала адреса, парень звонил по телефону – делал заказ фильтров.

– Все в порядке, – сказал он после окончания разговора и выбросил уже пустой стаканчик в мусорное ведро, – завтра обещали привезти.

– Вот адреса гостиниц. – Девушка положила перед Одинцовым лист бумаги. Там же был и номер телефона автосервиса. – Для созвона, – уточнила она.

Поблагодарив обоих, Дмитрий вышел на улицу. Огляделся. Первое впечатление: провинциальный город, серые многоэтажки, сетевые супермаркеты для людей с невысоким достатком, народ на остановке ждет автобуса. Около остановки – небольшой стихийный рынок, где на складных табуретках сидят бабушки с помидорами, георгинами и луком. В общем, глушь.

– Вы не подскажете, как мне добраться вот до этих гостиниц? – спросил он ожидавшую транспорт женщину и показал лист с адресами.

– Они обе в центре, садитесь вместе со мной в маршрутку и через три остановки выйдете.

– Спасибо.

Поездка в маршрутке поднятию настроения не поспособствовала. Рядом устроился тщедушный мужичок с характерным красным лицом и запахом перегара, шумели дети, споря о том, кто первый сядет дома играть в планшет, их мама не обращала никакого внимания на крики, полностью погрузившись в телефонную переписку. За окном были все те же многоквартирные дома, деревья, магазины и палатки. А потом маршрутка свернула, и Одинцов сразу понял, что находится в центре города. В окно было видно площадь и административное здание. Есть у таких зданий своя аура – официальная. И вовсе не обязательно к ним подходить, чтобы прочитать табличку около дверей. Да и цветник перед мраморными ступенями тоже был какой-то официальный.

От площади начиналась аллея с рядом лавочек. На лавочках сидели молодые мамы, а вокруг бегали дети. Все это Одинцов успел рассмотреть, пока маршрутка совершала остановку. Дмитрию предстояло выйти на следующей. Две гостиницы, хотя и находились на разных улицах, были в одном районе.

«Воздвиженск», «Дом Чигирева», – перечитал он оба названия, когда через пять минут оказался на улице и огляделся. «Воздвиженск» Одинцов заметил сразу – пятиэтажное панельное здание с большими квадратными окнами – типичный образец строительства семидесятых-восьмидесятых годов двадцатого века. Только вывеска была новая и яркая. Почему-то сразу представились тесные неуютные номера, злая тетка за стойкой и невкусная еда. Одним словом, тоска.

«Маленькая должна быть лучше», – подумал Дмитрий, решив найти в интернете ее месторасположение.

Мобильный и связь не подвели.

«Дом Чигирева» он нашел без труда, спустился вниз по улице, два раза повернул направо и оказался в совсем другом городе. Старом. От него тоже веяло провинцией. Но иной. Тут были двухэтажные дома с каменными основаниями и деревянным верхом, яблоневые сады за оградями, разноцветные махровые астры и высокие золотые шары в палисадниках. Не хватало только самовара во дворе. Здесь время словно остановилось. И только современные машины, стоявшие на обочинах, говорили о том, что и в этом уголке все тот же двадцать первый век.

Гостиница была, в отличие от других домов, в три этажа. И видно, что новодел, но стилизованный так, что не выбивался из общей уличной архитектуры. Тот же каменный низ, то же дерево на верхних этажах, резные, выкрашенные белым наличники, цветники перед входом. Одинцов снова подумал о самоваре и еще о том, что здесь должно быть уютно. Движимый любопытством, Дмитрий решительно открыл дверь. Послышался звон колокольчика. За конторкой «под старину» в небольшом холле стояла худенькая рыжеволосая девушка в хлопковом полосатом платье с кружевным воротником.

– Добрый день, – улыбнулась она. – Чем могу помочь?

– У вас самовар есть? – поинтересовался Одинцов.

Девушка удивленно захлопала глазами:

– Есть, только он электрический.

– Сойдет, – обрадовался вдруг Одинцов. – Значит, остановлюсь здесь. Найдется свободный номер для одинокого путника?

– Найдется. – Девушка слегка шепелявила, а при улыбке на ее веснушчатом лице появлялась ямочка. – Правда, у нас остался всего один свободный номер.

– Всего один? – Дмитрий залюбовался ямочкой и почувствовал, что его настроение стало ощутимо улучшаться. – Ваша гостиница пользуется таким спросом у туристов?

– Вообще, в эти выходные у нас в городе будет фестиваль, и многие гости приезжают заранее. Утром вот заселился режиссер из Москвы, – произнесла она важно, даже с нескрываемой гордостью, – он ставит какой-то театральный номер, и актеры приехали, правда, неизвестные. Но завтра обещал прибыть знаменитый, – при этих словах глаза девушки загорелись, – он снимается в разных сериалах.

– Знаменитый актер из Москвы? – почти натурально удивился Одинцов. – И куда же вы его селить собираетесь, если в последнем номере буду жить я?

– А он все забронировал заранее, поэтому его комната считается уже занятой.

Снова зазвонил колокольчик, дверь открылась, и вошла девочка лет семи. Она остановилась посреди маленького холла, приоткрыв от удивления рот, а потом начала внимательно рассматривать обстановку: деревянные венские стулья с атласными подушечками на сиденьях, стойку, похожую на старинную конторку, леденцы в вазочке на резном столике.

– А можно взять одну? – поинтересовалась она.

– Можно, – разрешила девушка.

Девочка вежливо поблагодарила:

– Спасибо.

И, взяв конфетку, села на стул в углу.

Взрослые молчали, разглядывая ребенка.

– Ты одна пришла? – наконец спросила администратор гостиницы.

– Да, – ответила девочка и развернула конфету, а затем сунула ее за щеку. – Куда можно выбросить фантик? Мама говорит, что мусорить нельзя.

Одинцов подошел к девочке и забрал у нее фантик:

– А где твоя мама сейчас?

– Потерялась. Мы гуляли вместе, а потом она встретила знакомую, они начали говорить, и мне стало скучно. Я пошла по дорожке, а потом... потом я немного заблудилась.

– Понятно. – Дмитрий сел на корточки рядом с ребенком.

У девочки были яркие синие глаза и пышные пепельные волосы. «Настоящая кукла», – подумал он, а вслух сказал:

– Ты свой адрес знаешь? Название улицы?

– Кристина, у нас же есть один свободный номер? Я только что от Михаила Витальевича, он сказал, что завтра ожидают...

Одинцов узнал голос. Он узнал бы его и через пять лет, и через десять, и через тридцать. Этот голос невозможно забыть, потому что он снился ночами. Дмитрий замер. Неужели? Она? Здесь? У него за спиной? Он снова спит...

– Вообще-то... – начала неуверенно администратор Кристина, – у нас уже есть новый постоялец.

– Да? Он заселился?

– Заселяется. – Одинцов поднялся на ноги и медленно повернулся.

* * *

Димка! Первая мысль: «Как он меня нашел?», а потом: «С какой целью?» И почему-то стало страшно. Они не виделись и не общались почти три года, только скудные смс-поздравления с Новым годом и днем рождения. Порой казалось, что так продолжаться будет вечно. Но вот он стоит сейчас перед ней, и не верится... просто не верится... Что-то за спиной бормочет сбивчиво Кристина, а Саша молчит и смотрит на мужчину, который... который в ее жизни был.

– Ну что, все решили? – сверху по деревянной лестнице спустился Михаил Витальевич – владелец и директор гостиницы, потасканный жизнью Казанова.

Товарный вид он давно потерял, любя женщин и шумные застолья до утра, но на характере это никак не сказалось. Все тот же бодрый голос, блестящие глаза и некоторая развязность в разговоре.

– У нас тут вышла небольшая накладка. – Саша повернулась к директору. – Номер оказался уже занят. Пока мы с вами беседовали в кабинете, прибыл новый гость.

– Да? – Михаил Витальевич пожевал губами.

– Да. – И Саша кивнула в сторону Одинцова.

Сказать по правде, с ним можно было бы договориться насчет «Воздвиженска» и освободить номер. Или хотя бы попытаться. Однако Саша не была уверена, что хочет этого. Она чувствовала смутение и волнение. И легкий страх – боялась узнать причину столь неожиданного появления. Но там, в кабинете директора, десятью минутами раньше, решался вопрос поселения подруги жены шефа, которая решила приехать погостить из Москвы. Год назад Михаил Витальевич завязал со своей разгульной жизнью и стал примерным семьянином. В супруги он выбрал Снежану – молодую красотку с бесконечными ногами, силиконовой грудью и силиконовыми же губами. Снежана серьезно занималась фитнесом, ела только здоровую пищу и тщательно следила за количеством своих подписчиков в инстаграме. У нее была подруга – сто-

личная светская львица Лулу Карамель. Вот ее-то как раз и хотел заселить в пустующий номер Михаил Витальевич, потому что терпеть присутствие этой девицы три дня в своем доме... В общем, Саша шефа понимала.

А понимала потому, что помнила, как три месяца назад во время своего последнего визита в Воздвиженск Лулу доводила капризами персонал гостиницы, изображая из себя звезду. Поэтому если выбирать между ней и Димой...

– Михаил Витальевич, можно вас на минутку? – Саша отошла к лестнице и, когда шеф приблизился, тихо спросила: – Вы знаете, кто это?

Тот, естественно, отрицательно покачал головой.

– Это московский бизнесмен, владелец клуба встреч.

– Борделя, что ли?!

– Тише. Нет, не борделя. Есть такие места, куда люди приходят общаться. Клуб, только без громкой музыки и откровенных танцев, все очень прилично. В общем, уважаемый человек, можете сами посмотреть в интернете, и если мы его сейчас попросим отсюда...

– Понятно. – Михаил Витальевич горестно вздохнул, понимая, что Лулу придется пригревать в собственном доме на радость жене. – Вот Москва к нам повалила... С другой стороны, это ведь хорошо. Режиссер, актер известный, этот вот... с клубом встреч.

– Конечно, хорошо, мы еще отзывы попросим их написать, рекламу себе сделаем. – Саша старалась говорить убедительно.

– А можно я еще одну конфетку возьму? – раздался звонкий детский голос.

И все повернулись к девочке, про которую успели на время забыть.

– Можно, – улыбнулась Саша.

Дмитрий протянул леденец.

– Это кто у нас тут? – На лице директора заиграла широкая гостеприимная улыбка, с вопросом он обратился к Одинцову: – Ваша дочка?

– Нет, она потерялась, – ответила за гостя Кристина. – Зашла к нам посидеть, и надо подумать теперь, как найти родителей.

– Ну так думайте. – Михаил Витальевич моментально потерял интерес к ребенку и взглянул на часы. – Черт-те что происходит в эти дни перед праздником, голова кругом. Думайте! А мне пора... делами заниматься.

Прозвенел дверной колокольчик.

– Добрый день, – поздоровалась новая посетительница гостиницы.

Директор, направившийся было к лестнице, резко развернулся и устремился к гостье.

– Марина Георгиевна, дорогая, рады вас видеть, – приветствовал он, целуя ее руки. – Какие-то вопросы? Чай? Кофе? Может, поднимемся ко мне в кабинет?

– Нет, благодарю вас, – вежливо отклонила все предложения Марина Георгиевна, но ответила на радушие дружеским пожатием руки.

Маленький холл гостиницы оказался перенаселен.

«Еще человека три, и начнется настоящая давка», – подумала Саша, наблюдая за тем, как шеф преобразился за считанные секунды. Он имел какую-то непреодолимую слабость к Марине Георгиевне. Эта женщина его завораживала. Она была значительно старше Михаила Витальевича, вдова, бывшая учительница русского языка и литературы, краевед, а сейчас – создатель и директор музея мыла, преуспевающая женщина. Высокая, сухопарая, с туго стянутыми в низкий узел крашеными светлыми волосами. Саша подозревала, что в молодости Марина Георгиевна занималась танцами, потому что такая осанка – балетная – сама по себе не появляется. Гостья была образованна, начитанна, интеллигентна, имела утонченные манеры и стальной характер. Михаил Витальевич в ее присутствии робел, краснел, растекался и трепетал. Удивительно было за этим наблюдать, учитывая его нахрапистый донжуанский характер.

– Я, собственно, по какому поводу, – проговорила Марина Георгиевна, мягко высвобождая свою ладонь. – Вы же знаете, что у нас в городе намечается праздник.

– Знаю.

– И вы, конечно, знаете, что Саша время от времени участвует в тех мероприятиях, что организовывает наш музей.

– Конечно.

– Я понимаю, в выходные и у вас тут будет горячо. Гостиница наверняка заполнена полностью...

– Все номера заняты! – с гордостью отрапортовал Михаил Витальевич.

– Поздравляю. – На губах Марины Георгиевны появилась улыбка. – Но дело в том, что... повторяю, я понимаю вашу загруженность, дорогой Михаил Витальевич, – при слове «дорогой» директор слегка покраснел, – и все же хочу попросить у вас Александру на субботу. Намечается праздничная программа для гостей...

Саша знала, что отпроситься даже на пару часов в такой насыщенный день невозможно, и если бы она сама обратилась с подобной просьбой к шефу, он бы даже не дослушал. Поэтому Марина Георгиевна пришла попросить лично.

– Дорогая моя, все понимаю, но поймите и вы меня. Такой день, полная гостиница, гости из Москвы, режиссер, актер, еще один... – многозначительный взгляд в сторону Одинцова, – как же я без Александры, она моя правая рука, и левая, и...

– Я не прошу на целый день, Михаил Витальевич. Отпустите часа на три, после обеда. А к ужину Саша вернется, обещаю. В это время все равно все ваши постояльцы наверняка будут в городе. Ничего страшного не произойдет.

Ее улыбка очаровывала, а ухоженное немолодое лицо было лицом женщины, а не старушки. Такие остаются дамами и в восемьдесят.

– Я не могу вам отказать, – сдался Михаил Витальевич. – Так и быть, отпускаю Сашу. Но чтобы к ужину была в гостинице!

– Я вам очень благодарна. – Гостья прижала руки к груди, демонстрируя всю свою признательность.

– И обещайте заглянуть к нам на чай!

– Непременно, – снова улыбнулась Марина Георгиевна.

– Ловлю на слове, – проворковал Михаил Витальевич.

– В следующий раз останусь на чай обязательно, а сейчас пора идти, мы тоже готовимся к празднику, и дел еще очень много.

– Понимаю. – Михаил Витальевич лично проводил гостью до дверей.

Звякнул колокольчик. Прекрасное виденье исчезло, оставив после себя аромат духов. Представление закончилось.

Михаил Витальевич еще некоторое время постоял у порога, потом повернулся и увидел Одинцова.

– Очень, очень рад видеть вас в нашем городе, – бодро заговорил он, – всегда рады, когда столичные люди приезжают к нам в гости, приобщаются, так сказать... к истории, достопримечательностям. У нас тут есть что показать, посмотреть... Очень рад. Если возникнут какие вопросы – обращайтесь, не стесняйтесь, сразу все решим. Саша, займись размещением нашего гостя, а я... – Тут взгляд Михаила Витальевича наткнулся на девочку. – И ребенком займитесь. Надо же как-то найти ее мать, в конце концов.

Отдав распоряжения, он еще раз окинул взглядом холл, кивнул и ушел.

Девочка устала сидеть на стуле. Она поднялась на ноги, чтобы немного походить. Холл был маленький, но очень интересный, с развешанными по стенам картинами из старинной жизни. И тетьа в полосатом длинном платье была необычная.

– Как в кино, – резюмировала девочка. – Про далекие времена. У меня мама такие смотрит.

– Как тебя зовут? – спросила Саша.

– Милорада, – важно ответила девочка, а потом добавила: – Но можно просто Рада.

– Рада, ты свой домашний адрес знаешь?

– Знаю. – Она четко и ясно назвала улицу, номер дома и квартиры.

Оказалось, что это совсем недалеко, можно пешком дойти минут за пятнадцать.

– Кристина, проводишь ребенка? Может, мать уже дома? А если нет, надо либо подождать, либо связаться как-то с полицией. Должны же у участковых в базе быть номера сотовых? Или нет?

– Про телефоны не знаю, – слегка пришепечывая, отозвалась Кристина, – а ребенка провожу, конечно.

– И вы прям по улице вот в этом платье длинном пойдете? – На лице Рады появился восторг.

– Да.

– Классно! Я бы тоже такое платье хотела. И мы бы шли с вами две как из кино.

Не улыбнуться детской непосредственности было невозможно. Кристина протянула руку девочке, и та доверчиво вложила в нее свою ладошку.

Снова, провожая, зазвонил колокольчик.

Они остались вдвоем.

Молчали. Смотрели друг на друга. Долго. Начали свой разговор без слов.

Саша так давно его не видела. Он изменился. Возмужал. Почти ничего не осталось от вихрастого парня, который когда-то ждал ее после выступления у кафе и предложил стать его женой. Теперь это серьезный зрелый мужчина. Коротко стриженный. С морщинкой между бровей. Близкий когда-то и далекий сейчас.

– Здравствуй, Саша.

А голос все тот же. Обманчиво-мягкий, располагающий к себе.

– Привет, – чуть хрипло ответила она. – Надолго к нам, по делу или... как?

Он не торопился отвечать, смотрел. Она же боялась услышать ответ. Боялась, что скажет про развод. Хотя в их ситуации это логично. Давно разъехались, не виделись почти три года, живут разными жизнями. Фактически давно уже в разводе. Бумаги – это формальность. Может, у Димы есть женщина, с которой он хочет построить свою новую жизнь? Что ж, все закономерно. Только все равно очень больно. И страшно.

– Случайно, – наконец ответил он и засунул руки в карманы джинсов. – Машина заглохла по дороге, пришлось искать автосервис. До завтра не починят точно, так что... надо переночевать где-то.

– Ясно. – Саша почувствовала, как потихоньку начало спадать напряжение.

Он не сказал про развод. Он здесь случайно. Так совпало. В жизни часто бывают совпадения.

– Ты изменилась.

– Ты тоже. Мне нужен твой паспорт. Для регистрации.

– Да, конечно. – Паспорт лег на стойку-конторку. – Спасибо, что придержала номер. Я же все понял.

– Не за что. – Она заносила данные в базу компьютера и демонстрировала полную сосредоточенность.

Он больше не носил обручального кольца. Впрочем, она тоже. Но почему-то все равно кольнуло. Глупо.

Состояние было странное, как когда после долгой разлуки встречаются два очень хорошо знающих друг друга человека и не понимают, с чего начать разговор. Вроде с чего-то надо, но...

Говорят, разлука делает людей чужими. Но Саша не чувствовала, что Дима чужой. Просто у них не сложилось.

А он? Что чувствует он?

– Забирай свой паспорт, ключ сейчас дам. Твой номер на третьем этаже, угловой. Завтраки внизу. Дверь направо от лестницы видишь? Это наш маленький ресторан. С половины седьмого вечера там можно поужинать, но это уже по меню и за дополнительную плату.

Ключ с латунной биркой, на которой значился номер комнаты, лег рядом с паспортом.

– А ты, значит, здесь.

– Да.

– Деловое администрирование.

Она невесело усмехнулась:

– Мама оказалась права. Как ни тяжело это признать.

Снова зазвонил колокольчик, в холл влетела растрепанная женщина с испуганным лицом:

– Скажите, пожалуйста, вы девочку не видели? Лет семи, с длинными волосами...

– Милораду? – уточнила Саша.

– Да! Видели?! Где она? Куда пошла?

– Она ушла в сопровождении нашего администратора домой. Если у вас в квартире кто-то есть, то Рада наверняка уже дома, если нет, то они или у подъезда стоят, или ищут участкового.

– Спасибо вам большое! – Паника на лице женщины сменилась облегчением. – Огромное вам спасибо!

Она почти бегом бросилась на улицу.

– Кажется, мать нашлась, – посмотрел вслед женщине Дима. – Часто у вас тут такие форс-мажоры происходят?

– Случаются.

Он забрал со стойки паспорт и ключ.

– Третий этаж, значит?

Саша кивнула. Никак не могла на него наглядеться. А ведь когда-то ушла сама.

Жена и любовница

Конец XIX века

1

– Негодяй! Я верила вам! – Красавица заломила руки. – Вы – демон! Вы обесчестили меня!

Любовь Николаевна смотрела на несчастную женщину и старалась не выдать своих эмоций. Пьеса казалась бездарной, игра ненастоящей. Бывает, сидишь в ложе, смотришь на сцену, а видишь себя и свою жизнь. Здесь же...

«Кажется, я просто злюсь и придираюсь, – подумала вдруг Любовь Николаевна, – а публике вон нравится».

– Уезжаю, и это решено, – ответил на стенания красавицы высокий мужчина с щегольскими усиками.

Обманутая героиня бросилась к столу, схватила нож и со всей силы ударила им любовника, а потом заколола себя и эффектно упала на сцену.

По залу пронеслась волна восклицаний, после чего воцарилось молчание, а затем раздались дружные громкие аплодисменты.

Невыносимое унижение – сидеть здесь, внимательно через лорнет рассматривать актрису, изображая полное безразличие. Любви Николаевне казалось, что все зрители в зале украдкой поглядывают на нее и шепчутся: «Смотрите, смотрите, Петр Гордеевич решил показать жене любовницу».

Ничего не оставалось делать, как только выше поднимать подбородок, внимательно глядеть на сцену, а когда уж совсем невыносимо – обмахиваться веером.

Она не хотела идти в театр.

– Уволь меня от этого развлечения, Петр Гордеевич, – говорила Любовь Николаевна накануне мужу. – Там будет много народу, душно, да и голова обязательно разболится. Пятого дня на концерт ходили, так потом мигренями мучилась.

– Ну, душа моя, сделай одолжение, – он целовал ей руку, – ты же знаешь, не ради развлечения идем, а ради наших дорогих гостей. Лавки московские на кону.

Эти гости были еще одной заботой ко всем прочим, жили в их доме уже третий день и жаждали развлечений. А какие развлечения могут быть в маленьком провинциальном городке? Вот разве что театр.

Муж гостей обхаживал как мог. Алексей Григорьевич Рысаков имел торговые ряды в Москве и приехал по какому-то важному денежному делу. А на попечении Любви Николаевны была его маленькая круглолицая жена.

– Хорошо, Петр Гордеевич, один раз.

– Вот и славно, душа моя, – поцеловал он супругу в лоб. – Пойду, обрадую наших гостей, да и билетами озабочусь.

Сидела теперь Любовь Николаевна в ложе, хлопала наравне со всеми Павлине Смарагдовой, первой актрисе театра, представляла, как придет она после поклонов в свою гримерную, а там корзины с цветами ждут. И одна из них – подарок ее мужа.

То ли от шума, то ли от духоты, но виски начало сдавливать. Жди мигрени.

Актеры кланялись, аплодисменты не смолкали. Павлина Смарагдова улыбалась, приветственно раскидывала в стороны руки и упивалась своим успехом.

– Все же тоща она как палка, – сказала вдруг, не понижая голоса, Рысакова. – У нас в Москве первые актрисы пухленькие, с ямочками на щеках, а эта вся высохшая.

– Ну какие глупости ты говоришь, – постарался сгладить бесцеремонные слова жены Алексей Григорьевич.

– А что? Разве я неправду говорю? Вот, например, Лебязья-Загорская.

Любовь Николаевна украдкой посмотрела на мужа. Он сидел спокойно. Большой, представительный, лишь слегка огладил крупной рукой сзади шею, а потом сделал несколько ленивых хлопков. За последний год волосы на его голове поредели, открывая высокий лоб. Но внешности Петра Гордеевича это не портило, даже наоборот – добавляло солидности. Он ничем не выдал, что слова Рысаковой, которая не знала про интрижку с актрисой, задела его.

– А что вы думаете, Любовь Николаевна? – не унималась московская купчиха.

– К сожалению, Лебязью-Загорскую я не видела, судить не могу.

– Так вам обязательно надо посмотреть, мы приглашаем, не правда ли, Алексей Григорьевич?

– Конечно-конечно. – Рысаков успокаивающе похлопал жену по руке.

Аплодисменты наконец закончились, занавес опустился, и зрительный зал начал пустеть. Поднялись и посетители ложи. Покидая театр, Любовь Николаевна подумала вдруг с каким-то внутренним торжеством, что сегодня ее муж за кулисы не пойдет, а отправится вместе с ней и гостями домой для позднего ужина. Дела превыше всего. Жена превыше любовницы.

Любовнице же останется корзина цветов.

2

На следующее утро Любовь Николаевна из своих комнат не вышла.

– Мигрень, – извиняющимся голосом сказал за завтраком Петр Гордеевич.

– Ох уж эти нежные барыни, – ответил Рысаков, намазывая маслом булку. – Я потому и не стал заглядываться на ученых, решил – сам купец, так и возьму себе купчиху. Как видите, не прогадал.

– Да будет тебе, Алексей Григорьевич. – Прасковья Поликарповна вся зарделась.

Петр Гордеевич ничего не ответил, лишь развернул утреннюю газету. В словах Рысакова была своя правда. Захотел он себе жену образованную и утонченную. В приданом Петр Гордеевич Чигирев не нуждался, был у него кирпичный заводик, который приносил немалый доход. В теплые месяцы приезжали на заработки мужики из соседних деревень месить глину. Дело шло хорошо. Еще лавки были в Воздвиженске, а в планах – постройка новой мануфактуры. Петр Гордеевич возлагал на нее особые надежды.

– Может, к вечеру у Любви Николаевны все пройдет, – решила успокоить хозяина дома Рысакова. – А кофий у вас, Петр Гордеевич, замечательный.

3

Из комнат выйти все же пришлось. К обеду их ждали в гости у Шельгановой. Любовь Николаевна неспешно приводила себя в порядок перед зеркалом. Отражение было бледно. Разве румянами воспользоваться? А не все ли равно? С румянами или без румян – будут судачить, да и вчерашнее появление в театре наверняка уже обсудили. Как до этого обсуждали ее бездетность.

Замуж за Петра Гордеевича она вышла восемнадцатилетней девушкой. Брака этого не ожидал никто. Отец Любви Николаевны был известным в городе лекарем.

Мать скончалась родами. Воспитанием дочери занимался отец, которого она нежно любила. И хотя практика у доктора была обширная, дать за дочерью большого приданого он не мог. Разве только свои сбережения. Единственная надежда – приглянуться умному доброму человеку. А приглянулась она вон кому!

Каждый вечер навещал дом доктора Петр Гордеевич, слушал, как пела романсы Любушка. А потом и вовсе свататься пришел.

– Ты вот что, доченька, – сказал тогда отец. – Если он тебе не мил, неволить не хочу. Только человек Петр Гордеевич не злой и обеспеченный, нужды знать не будешь, детки пойдут – станут жить в тепле и довольстве. А все это немаловажно, Любушка, немаловажно.

Отца своего Любовь Николаевна в тот день послушалась и согласие на брак дала. Да и лучшей партии сыскать в городе было невозможно. А как он ухаживал красиво! На коляске с открытым верхом кататься возил, конфеты французские дарил, на концерты в сад сопровождал. Сколько было слухов и домыслов, сколько зависти... да только все это прошло стороной, не задело. Перед самым венчанием голова юной Любушки кружилась от влюбленности в своего жениха – такого сильного, умного, важного и внимательного. Казалось, она вся наполнилась ожиданием счастья, того, что ждет впереди и обязательно случится. Юность всегда безоглядно верит в счастье. А потом взрослеет... и ничего.

Влюбленность растворяется в бесчисленных днях, на смену ей приходят обыденность, скука и дела, дела, дела...

И муж вроде все так же внимателен, и ты стараешься ему угодить, только вот поговорить вечерами оказывается вдруг не о чем. Он готов, но о заводах и лавках. Ты слушаешь, конечно, терпеливо и по возможности участливо. Но каждый вечер... о торговых делах... о том, сколько кирпичей продано... и сколько мужиков пришло из деревень просить работы...

Целые дни сидишь дома. И не знаешь, чем занять себя.

Нарядами? Да сколько их? Не переносить. Книжками? Читала... читала про написанные жизни и написанные страдания. Думала: хоть бы раз испытать полноту жизни, вот так, чтобы полным вздохом. Чтобы поймать счастье. А где оно – это счастье? Где-то мимо катилось.

– Это все от безделья, Любушка, – сказал однажды батюшка, видя ее тоску. – Делом тебе надо заняться.

Да только где оно – это дело? Были бы детки, тогда и дело бы нашлось. Вон сколько с ними забот. А деток Господь не дал. Десять лет уже жила Любовь Николаевна с мужем, начала увядать, и все ходила пустая. Поначалу – ездила к мощам и иконам, просила. К знахаркам ходила – пить заговоренную воду. Отец узнал, ругался сильно и запретил с мошенницами знаться.

Любовь Николаевна пощипала щеки, пытаясь придать им некоторый румянец.

Батюшка... его не стало пять лет назад.

– Одна, совсем одна, – сказала Любовь Николаевна своему отражению, потом приложила указательный палец к переносице и начала разглаживать появившуюся морщинку. – Старею.

Удивительно разве, что муж стал заглядываться на более веселых и молодых? Он же видит, все замечает – и скуку ее, и молчаливость, и равнодушие к застольным беседам, когда

собираются гости. Да и бездетностью хоть и не попрекал, но разочарование мужа Любовь Николаевна чувствовала остро.

Одно оставалось неизменно – он до сих пор любил слушать ее пение. Может, только когда пела, и чувствовала себя живой. Пустота жизни ширилась, казалось, она заполняла собой все пространство. А когда начинала петь, словно проживала какую-то другую, яркую жизнь, и пустота отступала.

Утром Любовь Николаевна не вышла из комнаты не потому что мучила мигрень – не было ее, а потому что не желала. Не могла спуститься к завтраку свежая и приветливая. Вчерашний спектакль, хоть и не хотелось в том признаваться, поразил ее. Жгучее чувство зависти к Павлине отравило. Зависти и ревности. Вот она живет, полно, интересно, во всю грудь. Есть у нее сцена, роли, успех и признание, есть поклонники и восхищение Петра Гордеевича. Когда-то он так же восхищался ею, Любушкой, да вот... осталась только привычка. И дом как клетка, и разговоры все о том, кто где какой заводик прикупил, сколько приказчик наворовал, да городские сплетни. Скучно. Пошло. Душно.

Вся ночь прошла без сна. А когда под утро забылась, явилась ей в дремоте Павлина, пьющая шампанское и громко смеющаяся. Торжествующая. И ведь красавица, не смотри, что глазки маленькие, зато как умеет ими глянуть!

– Ненавижу, – прошептала Любовь Николаевна и отвернулась от зеркала.

Пора было отправляться к Шелыгановой.

4

День выдался жаркий, а к вечеру посвежело, поэтому чай решили пить в саду.

– Вот угодил, Петр Гордеевич, так угодил, московских гостей ко мне привез. – Старушка Шельганова с довольным лицом разломилла калач.

А Петру Гордеевичу только того и надо было. Он выкупал у нее старый склад на окраине города. Осталось сделать последний взнос.

– Хотел порадовать вас, Марья Ивановна.

– Чем еще порадуешь?

– Все помню, – заверил хозяйку дома Петр Гордеевич. – Через два дня обещанная сумма будет уплачена. Слово мое крепкое.

Старая купчиха усмехнулась.

– И что оно, в Москве-то? – обратилась она к Рысаковой. – Весело?

– Весело, – согласилась Прасковья Поликарповна. – Но сейчас все выезжают по дачам. Жарко.

– И то верно, – закивала головой Шельганова. – А мы тут в газетах начитались всякого, прямо и не знаю, врут или правда. Якобы жил у вас один человек, который дома поджигал. Как выпьет, так и идет жечь, а когда разбойника поймали, мужики докрасна прут раскалили да и выжгли ему глаза.

– Что вы такое говорите! – воскликнула Рысакова, начав мелко креститься. – Не слыхала про страх такой.

– Значит, врут.

– Врут, матушка, врут. В газетах чего только не напишут, да все брешут.

Любовь Николаевна сидела тихо, слушала разговор и, когда Рысакова начала креститься, подумала, что рука у нее хоть и холеная, а квадратная, мужицкая. А у ее мужа наоборот – тонкая с длинными пальцами. Нервная. Напоминающая больше руку игрока, чем купца.

– А вот я еще читала, – не унималась Шельганова, – что горничные в Москве шибко прыткие стали, и тем, кто замечен за непотребством с хозяином, хозяйки собственноручно косы режут.

– Эдак скоро половина горничных без кос останется, – засмеялся Рысаков.

– А мы хоть не Москва, но и у нас тоже есть что об амурах рассказать. И не только об амурах, правда, Петр Гордеевич? – усмехнулась Шельганова.

«На Павлину намекает, уже все доложили сплетники», – подумала Любовь Николаевна.

– Такие дела, все московские газеты обзавидуются, – продолжала как ни в чем не бывало старая купчиха. – Задумал наш кирпичный фабрикант заняться мылом. И ведь не боится обанкротиться, говорит, француза себе выпишу, и будет он мне ароматы не хуже парижских делать.

Петр Гордеевич позволил себе засмеяться. Натужно смеется, заметила Любовь Николаевна. Тоже почувствовал двусмысленность слов старухи.

– Это что же, – оживилась Прасковья Поликарповна, – правда?

– Правда, – подтвердил Петр Гордеевич.

– А вы и молчали. Алексей Григорьевич, а они и молчали! Вот ежели ваш француз не подведет... Вы спрашивали нас про Москву, Марья Ивановна, – повернулась Рысакова к старухе, – так я вам скажу, у нас на Кузнецком мосту такое душистое мыло продается, чистый одеколон! Пользуется большим интересом у дам. Я уже давно говорила Алексею Григорьевичу, вот бы и нам такую-то лавку открыть. Только уж закупать для перепродажи очень накладно получается. Цены слишком высокие. Вот вы, Петр Гордеевич, наверняка такую не заломите.

«Какая хватка, – подумала Любовь Николаевна, – заправляет всеми делами тут скорее жена, чем муж».

Петр Гордеевич же слегка наклонил голову и ответил простовато:

– Так я еще и не построил заводик-то. Что же делить, чего пока нет.

Конечно, он лукавил. Заводик, может, еще и не построил, но разрешение на производство мыла и его торговлю получил, только никому до поры не рассказывал.

– Это вы зря так, – Рысакова раскраснелась, начала торопливо прихлебывать чай, – дела нужно всегда наперед обговаривать. Вот у нас как в Москве – идешь в театр, а в программке объявление «Лучшее глицериновое мыло покупайте там-то». Ежели мыло у вас получится да мы сговоримся, я таких объявлений наделаю – хоть на программках, хоть на занавесе. На всю Москву!

– Уж прям-таки и на занавесе? – не поверила Шельганова.

– Делают! И про водку, и про перчатки вешают – только плати. Это у вас еще не додумались. Мы вот вчера в театр ходили, развлеклись знатно.

Разговор снова вернулся к недавнему представлению и стал неудобным, но Рысакова этого не понимала.

– Что это вы, душенька, Любовь Николаевна, все молчите? – поинтересовалась Марья Ивановна. – Вам-то спектакль понравился? Мне рассказывали, что был полный театр, даже цветы на сцену бросали.

Издевается, ведьма, да еще лицо при этом доброе делает.

От необходимости отвечать Любовь Николаевну избавило появление нового гостя.

– А вот и ты, батюшка, – разулыбалась Шельганова при виде подошедшего. – Прошу любить и жаловать, Надеждин Андрей Никитич, племянник, сын моей покойной сестрицы приехал погостить. Все уговаривала у себя остановиться, а он ни в какую, снял отдельный домишко. Стыдно теперь людям в глаза смотреть. Но упрямец – весь в покойную сестрицу. Андрей Никитич тоже из Москвы, офицер, преподает в Алексеевском военном училище.

Офицер был в штатском. И, пожалуй, офицера даже ничем не напоминал, если только выправкой. Не было в нем того бравого и удалого, о чем Любовь Николаевна читала в романах.

Надеждин почтительно приложился к пухлой руке тетушки, а после ему были представлены все присутствующие.

Девка-прислужница быстро принесла приборы, в широкую фарфоровую чашку гостю налили из самовара чаю, и разговор продолжился.

– Я ведь столько лет его не видела, – говорила Марья Ивановна. – Да ты калачик-то попробуй, угостись, свежий. И варенья не жалея, побольше накладывай.

– Надолго вы? – поинтересовался Петр Гордеевич.

– Пока не знаю, – ответил Надеждин. – На неделю, думаю.

– Это как же на неделю? Ничего и слушать не желаю, – возмутилась старая купчиха. – У тебя отпуск долгий, вот и погостишь у нас.

– Дела, тетушка, дела, – улынулся Надеждин.

– А вы по какому предмету учительствуете, позвольте полюбопытствовать, – подал голос Рысаков.

– Военная география.

– Дожили, офицеры теперь географию преподают, – хохотнул тот.

И было что-то пренебрежительное во взгляде Рысакова.

– Географию могут преподавать многие, – спокойно ответил Надеждин, – а военную – нет. Тут другая наука, здесь изучаются театры военных действий.

– Однако, – хмыкнул Рысаков, – чего только не придумают. Эдак скоро штук десять разных географий придумают, а как по мне – военные должны сражаться.

– Мне кажется, что именно для того, чтобы военные сражались успешно, и нужно изучать многие сопричастные науки, – негромко произнесла Любовь Николаевна, которой неприятен был и сам Рысаков, и тон его голоса, и эти нервные подрагивающие пальцы.

5

– Петенька, – холеная женская ладонь прошлась по спине, – да неужто это невозможно? И голос стал игривый-игривый. Рука продолжала гладить, коснулась плеча, блеснуло на пальчике колечко. Губы поцеловали сильную литую шею.

– Только представь себе, сколько денег можно заработать.

– На театре?

– На театре, милый, – прошептала Павлина, – вот ежели начнем всем сами заправлять...

– В каждом деле разбираться надо, Павушка. Такие антрепренеры знаменитые прогорают и директора, куда уж нам. Я в этом ничего не смыслю.

– А я тебе на что, Петенька? Все подскажу, все расскажу, найдем управляющего хорошего...

– Глупости это, – зевнул Петр Гордеевич.

Павлина села на край кровати и отвернулась. Темные волосы рассыпались по плечам.

– Ты меня совсем не любишь.

– Это я-то тебя не люблю? – Петр Гордеевич слегка повысил голос, перевернулся на спину и начал разглядывать потолок. – Дом этот купил и обставил, деньги даю, роли главные в театре имеешь. Теперь театр просишь выкупить. Сколько еще желаний, Павушка?

– Вот последнее, ей-богу.

– Не могу, уволь.

– Не можешь, – Павлина обернулась и цепким взглядом уставилась на любовника, – или не хочешь?

– Не могу, – спокойно ответил.

Помолчал немного, вздохнул и поднялся, чтобы начать одеваться.

– Да даже если бы и мог... кто ты, Павушка, чтобы разговаривать со мной так?

– А вот и правда, Петр Гордеевич, кто я? – Павлина подобрала ноги, обняла руками колени и стала похожа на девочку. Она была маленькая, худенькая, хрупкие плечики трогательно просвечивались через тонкую сорочку. – Я ведь девка для удовольствий, – тихо произнесла она и стала ждать уверений в обратном. Раньше такое срабатывало всегда.

В этот раз Петр Гордеевич молчал и продолжал неспешно одеваться. Павлина, не меняя позы, украдкой поглядывала на любовника.

Ей нужен был театр. Богатые покровители, бывало, покупали своим любовницам-актрисам театры, и тогда уж все-все пьесы ставились под них. Павлина знала точно – о себе надо думать в первую очередь. Петр Гордеевич – не случайная связь, она долго высматривала этого серьезного человека, потом незаметно окручивала, приманивала, а потом, наконец, получила. И вот теперь надо пользоваться. Вдруг как Чигирев завтра прогорит? Пока влюблен да податлив – пользуйся. И Павлина старалась. Соблазняла, опутывала, выманивала. Все удавалось.

Она ниже склонила голову и чуть добавила страданий – начала подрагивать.

– Не могу я сейчас глупостями заниматься, когда на кону другие дела, – наконец заговорил Петр Гордеевич, подошел, подцепил пальцем опущенный подбородок любовницы и заставил посмотреть на себя. – Много я тебе даю, Пава, не серди меня.

Она не сразу поняла, что в этот раз не просто не удалось, а чуть было не испортила все. Запоздало схватила его большую ладонь, прижалась к ней щекой.

– Люблю тебя, Петруша, больше всего хочу привязать к себе, вот и выдумываю.

Он не отнял руку, кажется, оттаивать стал. Павлина легко повела плечом, тонкая ткань спустилась, обнажив белую кожу.

И все же...

– Завтра не жди, – сказал он на прощанье и вышел.

6

Весь путь до дома Петр Гордеевич думал о Павлине, о том, что она словно морок – околдовала его. Маленькая, красивая, с молодым гибким телом и сладкими речами. И... почему бы нет? У других любовницы имеются, так почему бы и ему не завести, не устроить небольшой уютный домик, не навещать вечерами...

А три дня назад морок стал проходить. Там, в театре, сидел рядом с женой, смотрел на нее тайком и понимал – знает. Все знает про него и Павлину. Но держится, гордость сохраняет. Усмехнулся невесело. Что в таких случаях остается, кроме гордости?

А потом был обед у Шельгановой. Старуха не могла сдержаться, чтобы не дать понять – ведает про тайную жизнь Петра Гордеевича, забавляется.

«И я тоже хорош, – думал Чигирев. – Зачем повел их в театр? Другой день надо было выбрать, когда спектакль без Павлины играют».

Так унижить собственную жену. Не подумал.

Зато вечер у Шельгановой окончательно охолодил его. Петр Гордеевич понял тогда очень ясно, почувствовал, как важна ему Любушка, и нельзя допустить повторения такого ее унижения. И надо как-то все исправлять.

«А ведь я ее люблю, до сих пор люблю, – размышлял он. – Когда мы стали отдаляться? Из-за чего? Сейчас и не вспомнить сразу. Вот если бы у нас были дети... да, дети... глядишь, и все наладилось бы. А Павлина... да что Павлина... театр захотела, ишь ты!»

Ее сегодняшняя просьба насторожила и очень не понравилась. Надо заканчивать с этой амурной историей... пока все окончательно не запуталось.

Дома в гостиной Петра Гордеевича ожидал Рысаков.

– Дамы наши уже спать пошли, – приветствовал он хозяина.

– А я вот по делам задержался. Одни заботы, Алексей Григорьевич, и днем и ночью. Совсем нет покоя.

– Знаю-знаю, сам так же. Не будете против? – Рысаков достал папиросу.

– Что вы, пожалуйста. – Петр Гордеевич сделал приглашающий жест рукой.

– Так вот, – закурив, Рысаков начал разговор, – загостились мы у вас, Петр Гордеевич, пора и честь знать. У самого в Москве дела, тоже крутиться приходится.

– Без этого никак, – согласился Чигирев.

– Ехать пора, а вопрос наш не решен. – Рысаков выпустил дым изо рта, рука с папиросой замерла.

Он хотел казаться уверенным и невозмутимым, но Петр Гордеевич знал точно, что это игра. Пока приезжие гостили в его доме, Чигирев отправил несколько писем московским знакомым с целью выяснить состояние дел Рысакова и получил ответ. В послании было написано, что месяц тому назад Алексей Григорьевич крупно проигрался, поэтому теперь нуждается в деньгах. Давать займы московские купцы не спешили, потому и поехал Рысаков «подлечить здоровье на свежем воздухе» по знакомым в маленькие города.

– Почему же не решен, Алексей Григорьевич? Деньги в долг дать могу, но только векселей мне не надо.

– Что же ты хочешь, Петр Гордеевич?

Так и сказал в лоб «ты». Чигирев усмехнулся. Вот теперь начинается настоящий разговор, без всяких политесов.

– Лавки в залог.

– Да в своем ли ты уме?

– Да чтобы договор при нотариусе.

– Ну, Петр Гордеевич...

- На меньшее не согласен, Алексей Григорьевич.
- Без ножа режешь! – Рысаков забыл о папиросе, пепел посыпался на брюки, а потом огонек и вовсе обжег пальцы.
- Он торопливо потушил папиросу, вскочил на ноги и зашагал по гостиной.
- В Москве все векселями берут. Чем векселя-то плохи?
- Раз все берут, так и просил бы денег в Москве.
- И потом, Прасковья Поликарповна, она против будет.
- А ты разве не хозяин в своем доме, Алексей Григорьевич? – насмешливо поинтересовался Чигирев.
- Не дашь, значит, векселями?
- Не дам.
- Я все верну!
- Ну, ежели вернешь и в том уверен, то какая тогда разница: векселями или под лавки?
- И то верно, – Рысаков продолжал взволнованно ходить по комнате, – но все же...
- А Прасковье Поликарповне можно сказать, что моя мануфактура к следующему лету начнет выпускать французское мыло, и я готов поставлять вам его по наивыгоднейшей цене.
- Обещаешь, Петр Гордеевич?
- Мое слово крепко.
- Надо все обдумать. – Рысаков снова сел и вынул новую папиросу.
- А я не тороплю. – Чигирев позвонил в колокольчик, на который тут же прибежала ключница.
- Звали, батюшка?
- Звал. Принеси-ка нам, Авдотья, наливки и что-нибудь под нее.
- Сейчас, батюшка. – Ключница заторопилась на кухню.
- Петр Гордеевич задумчиво разглядывал колокольчик.
- А я вот все театр вспоминаю, – решил сменить тему Рысаков.
- Вот как? – Колокольчик был отставлен в сторону. – И что же?
- Актрисулька та больно хороша. Хоть супруга моя и сказала о ней мало хорошего, но это все женская зависть. Как насчет петербургской сцены – не знаю, далека от нас столица, а вот московской Павлина достойна, очень даже.
- Петр Гордеевич усмехнулся:
- Взять с собой думаешь?
- Да я бы взял, но женатый человек есть человек несвободный.
- «Особенно если он проигрался», – подумал Чигирев.
- Авдотья сама принесла поднос с наливкой, посудой, закуской и накрыла на стол.
- Хозяин дома разлил наливку, поднял свою рюмку:
- Будь здоров, Алексей Григорьевич.
- И тебе здоровья, Петр Гордеевич.

Пятница

Утром его разбудил звонок. Одинцов открыл глаза и не сразу понял, где находится, но рука уже интуитивно скользила по прикроватной тумбочке в поисках телефона.

– Ты там что, спишь? – Рома привычно орал в ухо.

– Нет, – почти не соврал Одинцов: нельзя же одновременно и спать, и разговаривать.

– Ты узнавал, фильтры сегодня привезут или когда?

– Ром, – Дмитрий сел на кровать и посмотрел на часы, – половина девятого утра, автомастерская еще закрыта. Они в десять только начинают. Тебе чего неймется?

– Ты еще спрашиваешь? Полянкин! Полянкин медным тазом накрывается. Слушай, а до него далеко на поезде? Может, ты того, билет возьмешь и махнешь на денек? А что – вариант.

Вариант, кто бы спорил. И, наверное, он именно так и сделал, если бы не Саша и не их случайная встреча. Вчера вечером, рассказывая другу о приключениях минувшего дня, Одинцов о Саше промолчал.

– Нет.

– Что нет? – опешил Ромка. – Почему нет? Мы его теряем!

– Теряем мы администратора, так что на ближайший месяц готовимся стоять у входа по очереди, а Полянкин – приобретение сомнительное. Зато здесь намечается фестиваль.

– Какой, на фиг, фестиваль? Одинцов! Ты в своем уме?

– Более чем. – Дмитрий сидел на кровати и рассматривал стену, на которой висела увеличенная копия старой черно-белой фотографии. На снимке была изображена спускающаяся к реке улица. На воде вдоль берега стояли баржи, люди сгружали на сушу мешки. Противоположная сторона реки густо заросла кустами и деревьями. Внизу фотографии красовалась витиеватая надпись «Воздвиженск».

– У тебя там точно только с фильтрами проблема? Ты сам... ничем не стучался?

– Ничем я не стучался. Послушай меня, тут намечается какой-то фестиваль с элементами исторической реконструкции. В гостинице, где я сейчас нахожусь, уже живет московский режиссер с ассистентом – они ставят театрализованное представление; вечером, по слухам, известный актер должен пожаловать, ждут чуть ли не с хлебом-солью, и директор намерен лично открывать дверку автомобиля. Зачем мне сейчас ехать к Полянкину, если можно познакомиться вот с этими людьми и затащить их к нам в клуб?

– Но у Полянкина сетевая аудитория...

– По всей России, – закончил за друга и партнера Одинцов. – Его почитатели из Тюмени или Воронежа придут к нам вечером в клуб? Нет, конечно. Давай я сегодня посмотрю на собирающуюся здесь публику, постараюсь с ними познакомиться...

– И пригласишь к нам на встречу.

– Именно. – Одинцов встал на ноги, подошел к фотографии. Интересно, что сгружали с баржи? Соль, сахар, пшеницу? Наверное, все сразу.

– Ладно, – вздохнул Ромка, – на связи. Я вчера объявление о вакансии разместил. Пока никто не звонил. Буду ждать кандидатов.

– Жди. До связи.

Сказать по правде, ни с каким актером Одинцов знакомиться не собирался, эта идея возникла в ходе разговора, потому что истинную причину своей задержки в городе он озвучивать не хотел. Саша. Все дело в ней, конечно.

Вчера еще раз увидеться не получилось, хотя Дмитрий после заселения спускался вниз несколько раз, хотел застать, взглянуть, поговорить, но... за стойкой неизменно встречала улыбчивая Кристина, которая отдала девочку рассеянной мамаше и вернулась на свой гостиничный пост.

Какой актер? Какой, к черту, Полянкин? Когда Саша здесь.

Она стала другой. И волосы остригла. Зачем? Он где-то слышал о том, что если хочешь обнулить жизнь – лучший способ начать с волос, отрезать их, как отрезают старое и ненужное. Давно она изменила прическу? А его? Его она тоже... вместе с волосами?

Какая Саша вчера была... Как незнакомка. Совсем не та девушка с гитарой, которую он увидел однажды в кафе. Той было чуть за двадцать. Этой – тридцать. И за плечами неудавшийся брак. А ведь когда-то казалось, что их счастье прочное, как железобетон. Да и вообще, если двое любят друг друга, любая проблема решаема.

Если двое любят...

Спроси сейчас Одинцова, любит ли он Сашу, ответил бы без раздумий – да. Вчера увидел, и снова все внутри перевернулось.

Так как же они умудрились прийти к такому печальному финалу?

Не заметили, что из отношений потихоньку исчезает нечто важное. Превратили свою жизнь в треснувший сосуд. Он был изначально полон, но по каплям, незаметно, вода из него вытекала, а когда оба хватились – сосуд оказался пуст.

Все начиналось хорошо. Она закончила институт, они поженились. С жилплощадью проблем не было – квартира Диме досталась в наследство от одинокой двоюродной тетки. Саша обожала их высокий пятнадцатый этаж и любила вечерами сидеть у окна, обозревая панораму города.

Он хотел открыть собственное дело и копил на стартовый капитал, искал среди знакомых потенциальных партнеров. Она продолжала выступать, но концерты случались не очень часто, зато через пару лет назрела идея ремонта. Саша окунулась в ремонт как в новый интересный творческий проект, а у Одинцова с Ромкой, который был готов войти в долю, возникла мысль создать клуб встреч. Люди перестали общаться друг с другом. Их жизнь – бег в колесе: работа – магазины – дом – интернет перед сном. Все. Люди заперлись в своих ячейках-квартирах, выходя в мир через прямоугольное окошко экранов телефонов, планшетов, компьютеров.

– Посмотри, – говорил он вечерами Саше, – даже сидя в кафе, мы не перестаем копаться в своих смартфонах. Это же ужасно, люди пришли встретиться друг с другом, побеседовать, поужинать вместе, но все заканчивается принесенной официантом едой и включенными телефонами. Стало проще перекинуться смайликами и парой слов набранного сообщения, чем использовать живую речь. Это же катастрофа.

– Катастрофа, – соглашалась Саша и целовала его в щеку. – Ты пригласишь меня в кафе на ужин?

Постепенно идея начала приобретать четкие формы – клуб живого общения, где есть столики, диванчики, буфет с чаем, кофе и булочками, настольные игры, тематические вечера, анимационные программы по выходным для детей. Место, где можно друг с другом общаться. В среду – совместный просмотр кино и его обсуждение, в четверг – лекции по литературе,

театру или живописи, в пятницу – мастер-классы по дизайну. А еще – встречи с психологами, поэтами, путешественниками, блогерами, музыкантами. Свой сайт и группа в социальной сети. Программа вечерних мероприятий на месяц вперед. Двери клуба открыты для всех желающих, цена вопроса – входной билет. Клуб также сдавался в аренду для проведения детских дней рождения, праздничных вечеринок и даже девичников.

Было очень трудно: долго искали подходящее помещение, делали ремонт, обустраивали зал, разрабатывали программу мероприятий, находили нужных людей. Требовались дополнительные вложения, пришлось взять кредит. В итоге все получилось. Только он потерял Сашу.

Сначала все шло замечательно, она поддержала это начинание, приняла в нем деятельное участие, а потом так получилось, что ремонт квартиры совпал с ремонтом найденного помещения. Начались ссоры.

– Я не могу одна иметь дело с бригадой мужиков, они меня обманывают! Димка, ну поговори с ними, ты же умеешь. Приди домой пораньше.

– Слушай, Саш, сегодня пораньше не получится, тут проблемы со строителями...

Вместо одного общего дела каждый занялся своим отдельным. Постепенно накапливались усталость, раздражение, обиды. Любовь никуда не делась, но она словно спряталась, затаилась, уступая место выяснениям отношений. Уже и квартира радовала новыми обоями, уютной гостиной, кофейного цвета занавесками на кухне, и клуб торжественно открылся, по утрам в него начали заглядывать молодые мамы, желая провести утро за чашечкой кофе с вкусной булочкой, пока ребенок возится в сухом бассейне с разноцветными маленькими мячиками в компании таких же карапузов.

Тут же по соседству появились стеллажи с книгами, настольными играми, яркими кружками, цветными фломастерами, возник специальный отдел «Магазин хорошего настроения».

А в их с Сашей жизни ничего не менялось.

– Поехали на выходные за город, мы давно нигде не были вдвоем.

– Прости, я сейчас не могу, у нас лекция интересная намечается в субботу. Пойдем вместе.

– Спасибо, пожалуй, останусь дома.

Порой казалось, что весь их разговор состоит из упреков и недовольного молчания. Ему было некогда, всегда некогда. Но неужели Саша настолько эгоистична, что не может понять, насколько он занят? Ведь начать и вести свое дело – это быть на связи двадцать четыре часа. И вместо того, чтобы дуться, могла бы прийти и помочь, в конце концов.

Дима не сразу понял, что она перестала петь. С окончанием ремонтов закончились и концерты, потому что «ты не можешь так поздно возвращаться одна, а я не смогу тебя встретить – пока от нашего клуба доеду...» Саша один раз отказалась от предложения, второй... потом перестали приглашать.

Он не сразу осознал, что они перестали ссориться. А когда осознал – очень захотел вдруг скандала. Но... не получилось. Она со всем соглашалась. Спокойно, без раздражения, равнодушно. Как будто он уже вышел за четко очерченную зону ее жизни.

– Я сегодня задержусь, поужинай без меня.

– Хорошо.

– Слушай, с отпуском в это лето ничего не получается. Давай передвинем на осень. В октябре же тоже можно неплохо отдохнуть. Ты не против?

– Я не против.

– Представляешь, у нас тут ребята женятся. Они встретились в день просмотра кинофильмов и через три месяца подали заявление. Завтра устраиваем для них вечер романтической комедии. Здорово, правда?

– Здорово.

Он не сразу понял, что упустил. Однажды вернулся домой пораньше, посмотрел на свою жену, сидящую в кресле с книгой, и... увидел ее заново.

– Привет, – подошел, поцеловал в щеку.

– Привет.

– Пойдем ужинать?

– Я уже поужинала, все на плите.

– Посидишь со мной?

– Прости, голова болит. Я лучше здесь.

Дима почему-то точно знал, что голова у нее не болит, просто она не хочет с ним посидеть. Потому что с книгой ей лучше. Интереснее. И сама она такая... нет, это было не спокойствие. Это было безразличие. Он исчез из ее жизни. В тот момент Одинцов почувствовал это очень отчетливо. И ему снова захотелось скандала, чтобы Саша накричала, обвинила, сказала много обидного. Захотелось подойти к ней, схватить за плечи, потрясти. И он даже сделал шаг,

протянул руку, но в этот момент Саша оторвала взгляд от книги и подняла глаза – спокойные равнодушные глаза:

– Я, пожалуй, пойду спать. У тебя же завтра встреча в девять тридцать утра. Мне надо проснуться пораньше – погладить тебе рубашку, приготовить завтрак.

Встала и ушла. А он так и остался стоять посреди комнаты. И это его Саша?!

Где та девчонка, что в медовый месяц лазила с ним по горам и, стоя у самого края обрыва, раскинув в стороны руки, громко смеялась от счастья? Где та женщина, которую он обожал и которая сводила его с ума своим пением, то глубоким, то звонким? Где его Саша, которая в майских парках изучала кусты сирени, разыскивая пять лепестков, а потом, довольная, загадывала желание и съедала цветок? Где их кофе в бумажных стаканчиках на лавочке по выходным, когда они выбирались на прогулки? Где это все?!

Как он это допустил? Ослепленный собственным делом, идеей, работой, проблемами, Дима просто перестал находить время для любимого человека.

Я занимаюсь важным.

Она должна понять.

В конце концов, я зарабатываю деньги для нас двоих.

Все это казалось настолько правильным и не требующим доказательств, что выглядело аксиомой.

Но правило аксиомы вдруг перестало работать.

Когда Дмитрий увидел со стороны, какой стала их жизнь – было слишком поздно. И даже секс неумовимо превратился всего лишь в пункт написанной кем-то обязательной программы.

Одинцов начал срочно искать выход из создавшегося положения.

– Давай устроим твой концерт в нашем клубе?

Саша посмотрела на него с какой-то грустно-снисходительной улыбкой:

– Я не готова, Дим, я давно не играла.

– Ну, так мы никуда и не спешим. Время есть, подумай над репертуаром, порепетируй...

А она в ответ продолжала улыбаться:

– Думаешь, стоит?

В один из вечеров он наконец решился и пошел ва-банк:

– Давай заведем ребенка.

– Ты этого правда хочешь? – Ее взгляд стал вдруг пытлив и внимателен.

Вот оно!

– Да, – ответил твердо. – Я думаю, пора. Мы уже достаточно пожилы для себя, теперь можно и ребенка завести.

Он не понял, что именно сказал не так, но как только замолчал, почувствовал – ошибся.

– Пора? – иронично переспросила она. – Пожили для себя? Можно заводить? – а потом резко отвернулась и произнесла каким-то совсем чужим голосом: – Решил найти мне занятие?

– Саша, ты все совсем не так поняла. Я не имел в виду...

– Я ухожу. – Она снова стояла к нему лицом, и в ее чуть опущенных вниз глазах уже не было пытливости. В них была... жалость. – Я ухожу, Дима. Не могу больше. Не получилось у нас счастливой семьи, не сумели.

Саша ушла на следующий день. Ушла из его жизни так же стремительно, как и появилась.

А он возвращался вечерами в пустую квартиру, где все дышало ею – от занавесок до торшера с оранжевым, похожим на половинку огромного апельсина абажуром, и чувствовал себя калеккой. После ампутации же не бывает абсолютно здоровых людей. Кому-то удаляют пальцы, руки, ноги. Ему – душу. Дмитрию всегда казалось, что Саша в его жизни – константа. Может перемениться все – город, друзья, работа. После успеха придет неудача. Сегодня светит солнце, завтра пронесется ураган. Все изменчиво, все непостоянно. И только Саша незыблема. Оказалось, ошибся.

Пришлось учиться жить с ампутацией и терпеть фантомные боли. Ждать, а вдруг сегодня вернется? А вдруг позвонит? Напишет?..

Нет. Не звонила. Не писала. Отрезала. Как свои волосы.

Правда, про дни рождения помнила. Ну и, само собой, про Новый год.

«Поздравляю с Новым годом! Будь здоров и счастлив».

Мы же все вежливые, сохраняем цивилизованные отношения.

Намучился с ним Ромка тогда будь здоров. Сначала поставлял виски, потом слушал нетрезвые излияния души, потом брал за шкирку и заставлял встряхнуться, фонтанировал идеями одна безумнее другой, постепенно возвращал в лоно любимой работы и дорогого сердцу клуба. Так потихоньку и вытащил.

А теперь Одинцов этому Ромке – своему лучшему и проверенному другу – соврал. Может, действительно познакомиться со знаменитым актером, устроить ему творческий вечер? Чем черт не шутит. Если он согласился ехать в такую даль на никому не известный фестиваль, значит, не очень блестяще обстоят дела у звезды в настоящий момент.

В общем, разберется по ходу, а сейчас главное – не опоздать на завтрак, связаться с авто-сервисом – узнать, что с фильтрами для машины. И увидеть Сашу. Может, удастся поговорить.

* * *

– Вот правду люди говорят: не встречайтесь с первой любовью, пусть она останется такой, какой ее запомнили, – делилась сокровенным Кристина.

– Это стихотворение так говорит, – машинально поправила Саша.

Голова не хотела соображать – сказывалось последствие бессонной ночи. Каждый громкий звук отдавался внутри эхом. Надо заварить крепкий кофе, чтобы взбодриться.

– Ничего себе! Даже стихотворение об этом написали? – Кристина на несколько секунд замолчала, задумалась, а потом продолжила свои рассуждения: – Посмотрела я на него, три волосины, живот отрастил пивной, рубашка какая-то мятая. Стою и думаю: и вот по этой причине я сходила с ума в школе? Смотреть-то не на что! А я ведь даже мечтала: окончу школу, выйду замуж... Хорошо, короче, что не вышла. Придумал бы кто-нибудь компьютерную программу, которая показывает, как твой парень будет выглядеть через десять или пятнадцать лет. В восемнадцать все красавчики, а ближе к тридцати большинство теряют товарный вид.

– У тебя таблетка от головы есть? – прервала философские размышления девушки Саша.

– Сейчас поищу. – Кристина вынула из нижнего ящика конторки свою сумочку и начала ее перетряхивать.

Не встречайтесь с первой любовью... а как быть с любовью всей жизни? Она вчера лишь только спустилась по лестнице, увидела спину, услышала голос... и словно не было этих трех лет. Димка! Ее Димка, родной, возмужавший, не тот парень, который поджидал после концерта, – взрослый мужчина на пороге зрелости.

Саша сегодня всю ночь не спала. Думала о нем, снова и снова прокручивала встречу в гостинице, вспоминала их короткий разговор. Соскучилась до одури. Хотелось к нему, в номер, обнять руками за шею и не отпускать.

Где же ты так долго был? Почему не приехал раньше? Ты думал обо мне? Ты же ведь...

И снова эти мысли о разводе. Зачем он здесь?

– Вот, нашла последнюю. – Кристина протянула Саше практически пустой блистер и начала запикивать в сумку все, что разбросала: зеркало, кошелек, помаду, чеки.

– Спасибо.

Сейчас она пройдет в ресторан, выпьет кофе. Может, и Дима там завтракает. Хоть посмотрит на него... со стороны. Сердце сжалось.

Теперь, прожив три года одна, начав все сначала, Саша оглядывалась на себя прежнюю и понимала, какой недостаточно зрелой и эгоистичной была. Ревновала Диму к его новому делу, к Ромке. Саше тогда казалось, что Рома крадет у нее мужа и их совместную жизнь. А сама? Что она сделала сама? Или не сделала. Перестала заниматься музыкой. Отказалась от своей мечты. Ради чего? Чтобы проводить дни одной и при каждом удобном случае демонстрировать это? Да, Дима тоже виноват. В любом конфликте всегда виноваты двое. Но это не извиняет ее собственную пассивность. И если под конец их отношений Сашу душило чувство неосуществленных надежд, то что она сделала для изменения этой ситуации? Ничего.

Нет, позже, конечно, сделала – ушла. Тогда ей казалось, что это лучшее решение из всех возможных.

Собственная нереализованность на фоне его успеха была больно – наотмашь, рождая чувство одиночества и изолированности. Ее немногочисленные подруги после окончания института разъехались кто куда, вышли замуж, родили детей. Как-то незаметно разошлись жизни. Саша звонила родителям в родную Тверь регулярно, бодро рассказывала о ремонте, успехах Диминого клуба, заминала неудобные темы из серии «когда же вы подарите нам внуков», а потом так же позвонила и призналась про разрыв. Она была очень благодарна своим умным и добрым родителям, которые не мучили расспросами, а просто предложили приехать к ним. Саша приехала, но позже – через год, когда получила свой первый отпуск. Замечательно провела две недели, загорала на речке, ездила в лес, бродила по дворам детства, помогала маме с заготовками на зиму. Всего один раз мама спросила про Диму. Потом они эту тему обходили стороной. И Саша снова была благодарна родителям за чуткость.

Нельзя сказать, что Дима не пытался ее привлечь к делу, он несколько раз предлагал принять участие в разработке программы клуба, но этим занимался Рома... а Рома каждый раз умудрялся предложить более интересные идеи. В итоге Саша проигрывала и, конечно, теряла интерес. Они чувствовали друг в друге соперника – Саша и Рома, а Дима, увлеченный работой, не замечал этого, приглашал ее на клубные мероприятия, считая это отличной заменой времени вдвоем.

Сначала Саша ходила, пыталась даже помочь. Рома был этому не рад и всегда демонстративно переделывал за ней порученную работу.

Саша чувствовала себя в клубе чужой и лишней.

Они вообще с какого-то момента начали жить разными, отдельными жизнями. Общим стал только быт.

– Ты даже не представляешь, – возбужденно говорил Дима, – сколько одиноких людей в Москве! У них нет друзей, с которыми можно просто пойти посидеть в кафе. Им негде встречаться. Им не с кем встречаться. Понимаешь?

– Понимаю, – отвечала она, едва сдерживаясь, чтобы не усмехнуться.

Забавно. Дима говорит про человеческое одиночество, полный желанием изменить этот мир, и даже не замечает, насколько одинока его собственная жена.

– Одиночество больших городов – это же так страшно, – продолжал он развивать свою мысль.

– Очень страшно, – эхом отзывалась она.

Судя по поступлениям на ее банковскую карту, человеческое одиночество приносило неплохой доход. Саша поморщилась собственным циничным мыслям. Несмотря на расставание, Дима ежемесячно делал ей отчисления – считал себя обязанным. Это продолжалось до тех пор, пока она не нашла работу и не написала, что больше не нуждается в финансовой поддержке.

Теперь у них остались лишь поздравления с Новым годом и днем рождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.